Александр Татун

Синдром последнего свидетеля

Александр Татун
Синдром последнего свидетеля

https://litres.ru/74727349
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если человек, которого ты любил, никогда не существовал? А что, если он существовал — но кто-то стёр его из реальности, из документов, из памяти всех, кроме тебя?

Вера Соколова — обычная женщина, работающая в архиве. Однажды она приходит в себя в машине, на обочине, с кровью на руках и пустым пассажирским сиденьем. Она не помнит, как там оказалась. Но чувствует: рядом был кто-то. Кто-то, кого она любила. Кого она потеряла.

Постепенно Вера узнаёт: у неё был брат Алексей. Он погиб в аварии. А потом его стёрли — из документов, из фотографий, из памяти матери, друзей, всех. Все забыли. Кроме неё. Потому что она — последний свидетель.

Она находит других таких же: женщину, помнящую сестру; мужчину, помнящего брата; мальчика, помнящего мать. Все они — «свидетели», чьи близкие были удалены из реальности с помощью секретной программы «Стирание». Кто-то решил, что некоторым людям лучше забыть. И этот кто-то до сих пор жив.

Содержание

Глава 2. Архив 10
Глава 3. Вырезанный 14
Глава 4. Сны 19
Глава 5. Дочь 22
Глава 6. Бывший муж 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Александр Татун
Синдром последнего свидетеля

Синдром последнего свидетеля

Глава 1. Пустое место

«Я не помню, как оказалась в машине. Помню только кровь на руках. И пустое сиденье рядом. Я не знала, кто там сидел. Но знала, что кто-то был».

— из дневника Веры Соколовой

Первое, что я почувствовала, — запах. Не бензин, не гарь, не горячий металл. Запах чужого пальто. Шерсть, табак и что-то ещё, сладковатое, вроде корицы. Так пахнет человек, который долго стоял на холоде и только что вошёл в тёплое помещение. Пальто, которое пахнет домом. Или тем, что мы называем домом, когда его нет.

Я открыла глаза. Лобовое стекло было в мелких трещинах, но не разбилось. Дворники замерли посередине, будто остановились на полуслове. За стеклом — серая полоса обочины, мокрый снег, столб с облупившейся краской. На столбе — табличка с номером. Я не могла разобрать цифры. Они расплывались, как будто их кто-то стёр. Снег падал медленно, крупными хлопьями, и таял, коснувшись стекла. Я смотрела на него, как заворожённая, и не могла вспомнить, как

сюда попала.

Я сидела за рулём. Ремень впился в плечо. Руки лежали на коленях, ладонями вверх, и на них была кровь. Не моя. На моих ладонях не было ни царапины. Кровь была тёмная, почти чёрная, и уже подсыхала. Она забилась под ногти. Я посмотрела на свои руки и не узнала их. Это были руки человека, который что-то сделал. Что-то, чего я не помнила.

Я повернула голову вправо. Пассажирское сиденье было пустым. Но ремень был пристёгнут. И на сиденье осталась вмятина — глубокая, будто там только что сидел взрослый человек. И запах. Тот самый. Шерсть, табак, корица. Я протянула руку и коснулась сиденья. Оно было тёплым. Будто человек ушёл минуту назад. Или будто он всё ещё там. Невидимый. Живой.

Я потянулась к замку зажигания. Ключ был на месте, повёрнут. Двигатель не работал. Я попробовала снова — стартер щёлкнул и замолчал. Аккумулятор. Или что-то хуже. Я нажала на сигнал. Тишина. Я нажала ещё раз. Ничего. Машина была мёртвой. Как и всё вокруг.

Я вышла из машины. Ноги держали плохо. Обочина уходила вниз, к реке, которой я не помнила. Слева — лес, тёмный, будто выключенный. Справа — дорога, пустая, мокрая, с двумя колеями, уходящими в туман. Я посмотрела на часы. Половина восьмого утра. Суббота. Я помнила, что в пятницу вечером легла спать в половине двенадцатого. Помнила, как выключила свет. Помнила, как долго не могла уснуть, слу-

шая, как тикает будильник на тумбочке. Помнила, как думала о чём-то. О чём? Я не помнила. Я не помнила даже, о чём думала перед сном.

А потом — ничего. Чёрная дыра. Несколько часов, вырезанных из моей жизни, как страница из книги. Я попыталась вспомнить хоть что-то. Хоть обрывок. Хоть звук. Хоть запах. Ничего. Только темнота. И запах корицы.

Я достала телефон. Двадцать три пропущенных. Все от матери. Я нажала «перезвонить».

— Вера! — Мать ответила после первого гудка. Голос у неё был такой, будто она не спала всю ночь. — Где ты? Я звоню с шести утра! Ты в порядке?

— Я... — Я посмотрела на кровь на ладонях. — Я не знаю. Я в машине. На обочине. Где-то за городом. Я не помню, как здесь оказалась.

Пауза. Долгая. Я услышала, как она выдохнула — медленно, будто считала до десяти. Потом — звук, будто она прикрыла рукой микрофон. Или будто она заплакала. Я не поняла.

— Никуда не уходи, — сказала она наконец. — Я выезжаю. Слышишь? Никуда не уходи.

— Мама, — сказала я. — Кто был со мной в машине?

Тишина. Такая густая, что я услышала, как в трубке шуршит её дыхание. Потом — звук, будто она прикрыла рукой микрофон. Или будто она заплакала. Я не поняла.

— Ты была одна, — сказала она наконец. — Ты всегда

ездишь одна. Ты же знаешь.

— Но ремень, — сказала я. — На пассажирском сиденье. Он был пристёгнут. И вмятина. И запах. Чужой запах. Мама, кто-то был со мной.

— Вера, — сказала мать. И голос у неё стал другим — ровным, будто она читала с листа. — Ты ударилась головой. Тебе кажется. Просто посиди и подожди. Я скоро.

Она положила трубку раньше, чем я успела сказать что-то ещё.

Я стояла на обочине. Смотрела на телефон. На кровь на руках. На пустое пассажирское сиденье. И думала: «Почему она так сказала? Почему она не удивилась? Почему она не спросила, что случилось? Почему она сразу сказала: "Ты была одна"?» Как будто она знала. Как будто она ждала этого звонка. Как будто она боялась.

Я вернулась в машину. Села за руль. Закрыла глаза. И попыталась вспомнить. Хоть что-то. Хоть обрывок. Но в голове была только темнота. И запах корицы. И голос. Не мой. Мужской. Низкий. Спокойный. Он что-то говорил. Я не слышала слов. Только голос. И чувство. Тёплое. Знакомое. Будто я знала его всю жизнь.

Я открыла глаза. Посмотрела в зеркало заднего вида. На себя. На женщину с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. И подумала: «Кто ты? И кого ты потеряла?»

Домой я вернулась к обеду. Мать довезла меня до подъезда, но заходить не стала — сказала, что ей нужно к врачу.

Врала. У неё был такой голос, будто она боялась остаться со мной в одной комнате. Я не стала спорить. Я вообще не стала ничего говорить. Просто вышла из машины. Закрыла дверь. И пошла к себе.

Квартира встретила меня тишиной и запахом старой бумаги. Я работаю в архиве, и этот запах, кажется, впитался в мои вещи. Документы, папки, пыль. Я сняла пальто и повесила его в шкаф. Потом остановилась. Посмотрела на вешалку.

На крючке рядом с моим пальто висело мужское. Тёмно-серое, драповое, с потёртыми локтями. Я не помнила его. Я не помнила, чтобы покупала его. И уж точно не помнила, чтобы вешала сюда. Я сняла его. Тяжёлое. Пахло табаком и корицей. Тем самым запахом. Я посмотрела на воротник. На нём была пришита метка. Маленькая, белая, с инициалами. «А.С.»

Я села на пол в прихожей и просидела так, наверное, полчаса. Смотрела на пальто, на метку, на кровь, которую не до конца отмыла с ладоней. И чувствовала, что в моей жизни есть что-то, чего я не вижу. Как будто кто-то вырезал из фотографии человека, а я смотрю на пустое место и не могу вспомнить, кто там стоял.

Я достала телефон. Открыла галерею. Пролистала фотографии за последний месяц. Я, мать, Алиса — дочь — на карусели. Я на работе. Снова я. Снова Алиса. Потом — фотография, которую я не помнила. Три дня назад. Кафе. Стол

у окна. Две чашки. Напротив меня — кто-то. Но лицо размыто. Будто фотографировали в движении. Или будто кто-то специально стёр его.

Я посмотрела на чашки. На моей — капучино. На второй — чёрный кофе, без сахара. Я не пью чёрный кофе. Никогда не пила. Он горький, от него болит желудок. Но кто-то пил. Кто-то, кто сидел напротив. Кто-то, кого я не помнила.

Я убрала телефон. Посмотрела на пальто. Потом на листок с адресом, который нашла в кармане. «Ул. Лесная, д. 14, кв. 7». Я не знала, что это за адрес. Но я знала, что поеду туда. Завтра. Или сегодня. Как только смогу.

Я встала. Повесила пальто обратно. Прошла на кухню. Налила воды. Выпила. Посмотрела в окно. За окном — серое небо. Дождь. Обычный день. Но для меня он уже не был обычным. Он был днём, когда я узнала, что в моей жизни есть человек, которого я не помню. И который, возможно, помнит меня.

Глава 2. Архив

«Документы не врут. Врут люди, которые их заполняют. Но иногда и документы начинают молчать».

— из дневника Веры Соколовой

В понедельник я вышла на работу. Мать звонила дважды — спросить, как я. Я сказала, что всё хорошо. Она не поверила, но не стала настаивать. Мы обе умеем делать вид, что всё в порядке.

Архив, в котором я работаю, занимает подвал старого здания на окраине. Три комнаты, стеллажи до потолка и запах, от которого начинает болеть голова, если не проветривать. Я работаю здесь шесть лет. Пришла сюда после развода — искала тишину. Нашла. Иногда слишком много тишины.

Моя смена началась в девять. Я села за стол, включила компьютер и уставилась в экран. Цифры, даты, номера дел. Обычная рутина. Но пальцы не слушались. Я думала о пальто. О листке. О запахе корицы.

— Вера Андреевна? — Голос из-за стеллажа. — Вы сегодня рано.

Это Галина Петровна. Архивариус. Ей семьдесят два, она работает здесь дольше, чем я живу. Говорят, пришла ещё при старом директоре и с тех пор не меняла ни работы, ни привычек. Она единственная, кто называет меня по имени-отчеству, и единственная, кому я это позволяю.

— Не спалось, — сказала я.

Она вышла из-за стеллажа. Невысокая, сухая, в сером кардигане, который, кажется, помнит ещё прошлый век. В руках — папка. Потрёпанная, с загнутыми углами.

— Держите, — сказала она. — Это из старого фонда. Вчера принесли. Я подумала, вам будет интересно.

Я взяла папку. На обложке — номер и дата. Сорок лет назад. Я открыла. Внутри — документы, которые я видела сотни раз. Акты, справки, заявления. Но на одной странице не хватало части текста. Будто кто-то вырезал кусок ножницами.

— Галина Петровна, — сказала я. — Здесь страница повреждена.

Она подошла. Посмотрела. Долго. Потом перевела взгляд на меня.

— Не повреждена, — сказала она. — Вырезана. Аккуратно. Кто-то постарался.

— Кто?

Она пожала плечами.

— Тот, кто не хотел, чтобы это прочитали.

Я пролистала папку до конца. Не хватало не одной страницы. Трёх. Подряд. Будто кто-то вырезал целый кусок — и оставил остальное нетронутым.

— Галина Петровна, — сказала я. — Вы знаете, что здесь было?

Она помолчала. Потом села на стул рядом — впервые за

всё время, что я её знала. Она всегда стояла. Говорила, что сидеть вредно.

— Вера Андреевна, — сказала она. — Вы когда-нибудь слышали про «стирание»?

— Про что?

— Про стирание. — Она посмотрела на меня внимательно. — Когда человек исчезает. Не умирает. Не уезжает. Просто исчезает. И все, кто его знал, забывают. Документы пропадают. Фотографии выцветают. А один человек — всегда один — помнит. Его называют «последним свидетелем».

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Не от страха. От узнавания.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросила я.

Она встала. Поправила кардиган.

— Потому что вы сегодня пришли с таким лицом, будто видели пустое место. — Она помолчала. — И потому что вы — из тех, кто помнит. Я таких вижу сразу.

Она ушла. Я осталась сидеть с папкой в руках. С вырезанными страницами. С запахом старой бумаги. И с мыслью, которая не давала покоя: «А что, если я тоже кого-то стёрла?»

Я просидела над папкой ещё час. Пыталась найти хоть какую-то зацепку. Номер дела. Дату. Фамилию. Но всё, что могло бы указать на человека, было вырезано. Остались только обрывки фраз. «...согласно акту...», «...постановили...», «...в связи с...». И ни одного имени. Ни одной подписи. Ничего.

Я закрыла папку. Убрала в стол. И решила, что спрошу Галину Петровну завтра. Ещё раз. Настойчивее. Но завтра её не было. И послезавтра тоже. Она исчезла. Как будто её никогда не было. Как будто она была ещё одним «стёртым». И я осталась одна. С папкой. С вырезанными страницами. И с вопросом, на который не было ответа.

Глава 3. Вырезанный

«Мать сказала, что я всегда была одна на этой фотографии. Я посмотрела на неё и поняла: она врёт. Не потому, что хочет. А потому, что не помнит».

— из дневника Веры Соколовой

Вечером я поехала к матери. Она жила в двух остановках от меня, в старой хрущёвке, где пахло валерьянкой и пирогами. Я не предупредила. Просто приехала. Поднялась на третий этаж. Позвонила. Дверь открылась через минуту — мать стояла на пороге в халате, с книгой в руках. Она читала. Как всегда. Она всегда читала вечерами. Детективы. Что-то простое, чтобы не думать.

— Вера? — сказала она. — Ты чего? Что-то случилось?

— Мама, — сказала я. — Мне нужно посмотреть старые фотографии.

Она помолчала. Посмотрела на меня. Долго. Внимательно. Потом отступила в сторону.

— Проходи.

Квартира была такой же, как в детстве. Те же обои — с мелким цветочком, выцветшим до почти белого. Тот же сервант — с посудой, которую никто не доставал. Тот же запах — валерьянка, пыль, что-то ещё. Мать не любила перемены. Как и я. Мы обе держались за прошлое, как за спасательный круг. Только у неё это получалось лучше.

Она достала с антресолей коробку. Старую, картонную, с выцветшей надписью «Фото». Поставила на стол. Открыла. Внутри — пачки фотографий, перетянутые резинками. Пожелтевшие. Пахнущие старой бумагой.

— Смотри, — сказала она. — Только аккуратно. Некоторые совсем старые. Могут рассыпаться.

Я села на диван и начала перебирать. Свадьба. Мать и отец. Молодые. Счастливые. Я в белом платье. Маленькая. С бантом. Алиса в роддоме. Красная, сморщенная. Алиса в год. Смеётся. Алиса в пять. С первым зубом. Потом — я в школе. Я с классом. Я на выпускном. Я с Сергеем. Свадьба. Развод.

И вдруг — фотография, которую я не помнила. Я стою на фоне старого дома. Мне, наверное, лет двадцать. Молодая. С длинными волосами. В лёгком платье. Рядом — кто-то. Но лицо вырезано. Аккуратно, по контуру. Будто кто-то взял ножницы и вырезал человека.

Я посмотрела на мать. Она смотрела в сторону.

— Кто это? — спросила я.

Она взяла фотографию. Посмотрела. Долго. Потом перевела взгляд на меня.

— Ты всегда была одна на этой фотографии, — сказала она.

— Мама, — сказала я. — Ты видишь, что здесь вырезано?

— Ничего здесь не вырезано. — Она положила фотографию обратно в коробку. — Вера, ты себя накручиваешь. По-

сле аварии это нормально. Врач сказал, что могут быть провалы. Ты просто устала.

— Мама, — сказала я. — Я не устала. Я помню, что там был кто-то. Я не помню, кто. Но я помню, что он был. Я чувствую это. Как пустое место.

Мать закрыла глаза. Медленно. Будто считала до десяти. Потом открыла. Посмотрела на меня. В её глазах было что-то. Страх. Или вина. Или что-то, что было сильнее и того, и другого.

— Вера, — сказала она. — Ты была одна. Всегда. С самого детства. Ты была одна. И это... — она запнулась. — Это было правильно. Так было нужно.

— Кому нужно? — спросила я.

Она не ответила. Встала. Пошла на кухню. Я слышала, как она наливает воду. Как ставит чайник. Как гремит чашками. Я осталась сидеть с коробкой на коленях. С фотографией, на которой не хватало человека. И с мыслью, которая становилась всё громче: «Кто-то вырезал его. Кто-то вырезал его из моей жизни. И этот кто-то — рядом».

Я достала телефон. Сфотографировала фотографию. Потом закрыла коробку. Поставила на место. И пошла на кухню — делать вид, что всё в порядке. Мать стояла у окна. Смотрела на улицу. Спиной ко мне. Плечи у неё дрожали.

— Мама, — сказала я. — Ты плачешь?

Она не обернулась.

— Нет, — сказала она. — Просто дым от чайника. Глаза

щиплет.

Дым от чайника. Вода ещё не закипела. Я знала, что она врёт. Но не стала настаивать. Мы обе умеем делать вид. Мы обе умеем молчать. Мы обе умеем хранить секреты. Даже от самих себя.

Я села за стол. Взяла чашку. Сделала глоток. Чай был крепкий, с мятой. Мать всегда заваривала с мятой. Говорила, что это успокаивает.

— Мама, — сказала я. — Ты знала Алексея?

Она замерла. Спиной ко мне. Я увидела, как её рука с чашкой дрогнула. Как чай плеснулся на подоконник.

— Кого? — спросила она. Голос был ровным. Слишком ровным.

— Алексея, — сказала я. — Алексея Соколова. Ты знала его?

Она повернулась. Медленно. Посмотрела на меня. Долго. И в её глазах было что-то такое, от чего у меня по спине пробежал холодок.

— Вера, — сказала она. — Я не знаю, о чём ты. И я не хочу знать. Если ты начала вспоминать что-то — остановись. Это опасно. Для тебя. Для всех.

— Для кого «всех»? — спросила я. — Мама, кто он? Кто был со мной в машине? Кто был на той фотографии?

Она поставила чашку. Подошла ко мне. Наклонилась. И сказала — тихо, почти шёпотом:

— Вера. Если ты не остановишься, тебя сотрут. Как его.

И я не смогу тебя спасти. Я уже один раз не смогла.

Я замерла. Посмотрела на неё. На её лицо. На её глаза. На её страх. И поняла: она знает. Она всё знает. Она знала всё это время. И она боялась. Не за себя. За меня.

— Кто ты? — спросила я. — Кто ты на самом деле?

Она отстранилась. Выпрямилась. И снова стала прежней — матерью, которая умеет делать вид, что всё в порядке.

— Я твоя мать, — сказала она. — И я хочу, чтобы ты жила. Нормально. Как все. Без этих... — она обвела рукой вокруг. — Без этих воспоминаний. Без этих вопросов. Просто жила.

— Я не могу, — сказала я. — Я не могу просто жить. Не зная.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом вздохнула. Тяжело. Будто сбрасывала с плеч груз, который несла много лет.

— Тогда иди, — сказала она. — Ищи. Но помни: я тебя предупреждала.

Я встала. Взяла сумку. Пошла к двери. У двери обернулась.

— Мама, — сказала я. — Я найду его. Алексея. Что бы это ни значило.

Она не ответила. Просто смотрела на меня. И в её глазах было что-то, что я не могла понять. Гордость? Или страх? Или что-то, что было сильнее и того, и другого.

Глава 4. Сны

«Я не видела его лица. Но я знала, что он рядом. Я чувствовала его. Как чувствуют тепло от камина, не глядя на огонь».

— из дневника Веры Соколовой

В ту ночь мне приснился сон. Не такой, как обычно. Не обрывки, не лица, не странные комнаты. Настоящий. Ясный. Такой, будто я не спала, а жила. Другой жизнью. В другом мире. Где всё было проще. И где кто-то был рядом.

Я шла по коридору. Длинному, с высокими потолками, с окнами на одной стороне и дверями на другой. Я не знала, где это. Но чувствовала, что уже была здесь. Раньше. В другой жизни. Или в другом сне. Я не знала.

Коридор был пустым. Только свет из окон — серый, зимний. И шаги. Мои. И ещё чьи-то. Рядом. Я не видела его. Но знала, что он там. Я чувствовала его плечо. Тёмное пальто. Тот самый запах — шерсть, табак, корица. Он шёл рядом. Молча. И я молчала. Нам не нужно было слов. Мы просто шли. Вместе. Как будто так было всегда.

— Ты не должна бояться, — сказал он. Голос был низкий, спокойный. Я знала этот голос. Я слышала его раньше. Но не могла вспомнить где. Когда. В какой жизни.

— Кто ты? — спросила я.

Он не ответил. Просто шёл рядом. Я чувствовала его теп-

ло. Его шаги. Его дыхание. И мне было спокойно. Так спокойно, как не было уже давно. Может быть, никогда.

Мы дошли до двери в конце коридора. Он остановился. Я остановилась тоже.

— Тебе пора, — сказал он.

— Куда?

— Туда, где ты нужна. — Он помолчал. — Но ты должна помнить. Я здесь. Всегда. Даже когда ты меня не видишь.

Я хотела спросить что-то ещё. Хотела обернуться. Посмотреть на него. Увидеть лицо. Но не смогла. Тело не слушалось. Будто кто-то держал меня. Или будто я сама не хотела видеть. Боялась. Чего? Я не знала.

Я проснулась. Утро. Серое. За окном дождь. Я лежала в постели и смотрела в потолок. Там была трещина — тонкая, в форме птицы. Она появилась давно, я уже не помнила, когда. И мне всегда казалось, что это знак. Что однажды что-то изменится. Птица улетит. Или я. Или что-то ещё.

Я села. Посмотрела на телефон. Шесть утра. Слишком рано. Но спать уже не хотелось. Я налила кофе. Села за стол. И поняла, что не могу перестать думать о нём. О человеке из сна. Я не видела его лица. Но я знала его. Знала его голос. Его шаги. Его тепло. Я знала его. И он знал меня. Он ждал меня. В коридоре. В сне. В другой жизни.

Я достала телефон. Открыла поиск. Набрала: «Стирание памяти. Люди, которых не было». Поиск выдал тысячи результатов. Статьи, форумы, блоги. Большинство — чушь.

Теории заговора, психиатрические случаи, научная фантастика. Но на одном форуме я нашла ветку. Старую, заброшенную, с последним сообщением три года назад. Называлась она просто: «Кто-нибудь ещё помнит?»

Я открыла. Прочитала. И почувствовала, как что-то внутри меня сжимается. Там были истории. Десятки. Люди рассказывали о тех, кого помнили. Кого любили. Кого потеряли. И все они говорили одно: «Все остальные забыли. Но я помню».

Одна женщина писала: «Я помню свою сестру. Её звали Катя. Она исчезла десять лет назад. После аварии. Я была за рулём. Я не помню, что произошло. Но я помню её. Все остальные — нет. Если ты тоже помнишь кого-то — напиши».

Я посмотрела на её профиль. Ольга. Последняя активность — год назад. Я написала. Коротко: «Я помню. Не знаю кого. Но помню». И нажала «Отправить».

Потом закрыла ноутбук. Посмотрела в окно. На дождь. На серое небо. На трещину в потолке. И подумала: «Я не одна. Есть другие. Такие же. Как я. Которые помнят. Которые ждут. Которые ищут. И, может быть, вместе мы найдём ответ».

Глава 5. Дочь

«Алиса никогда не видела его. Но она знала его имя. Дети видят то, что взрослые забыли. Или не хотят помнить».

— из дневника Веры Соколовой

С Алисой мы встречаемся по субботам. Раз в месяц, иногда реже. Она живёт с отцом — моим бывшим мужем — в двухкомнатной квартире на другом конце города. Когда мы разводились, суд оставил её с ним. Я не стала бороться. Тогда мне казалось, что так будет лучше. Сейчас я не уверена.

Я приехала к одиннадцати. Дом был старый, панельный, с облупившимся фасадом и вечно сломанным домофоном. Я нажала кнопку три раза, прежде чем Сергей ответил.

— Кто? — голос из динамика был хриплым. Будто он только что проснулся. Или не спал вовсе.

— Это я, — сказала я. — Вера.

Пауза. Потом — щелчок. Дверь открылась. Я поднялась на четвёртый этаж. Сергей стоял на пороге. В футболке и тренировочных штанах. Небритый. Уставший. Он всегда выглядел уставшим в последние годы. С тех пор, как мы развелись. Может быть, и до этого. Я уже не помнила.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — сказала я. — Как дела?

— Нормально. — Он отступил в сторону. — Проходи. Алиса в комнате.

Я вошла. Квартира была такой же, как при мне. Те же обои — с рисунком, который я никогда не любила. Та же мебель. Тот же запах — пыль, кофе, что-то ещё. Я не знала, что. Я не хотела знать.

Алиса сидела на полу в своей комнате. Вокруг — разбросанные карандаши, краски, альбомы. Она подняла голову, когда я вошла. Посмотрела на меня. Долго. Внимательно. Так, как смотрят дети, когда понимают больше, чем взрослые.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — сказала я. — Что делаешь?

— Рисую. — Она показала альбом. — Смотри.

На рисунке был человек. Мужчина. Высокий, в тёмном пальто. Он стоял на фоне дома. Улыбался. Рядом — маленькая фигурка. Девочка. С бантом.

— Это кто? — спросила я. Голос у меня сел.

— Дядя Алёша, — сказала она. Просто. Будто это было очевидно.

— Какой дядя Алёша?

Она посмотрела на меня. Долго. Потом сказала:

— Ты его знаешь. Он говорит, что ты не должна бояться.

— Он... говорит?

— Во сне, — сказала Алиса. — Он приходит ко мне во сне. Он говорит, что ты забыла. Но он не сердится. Он говорит, что ты вспомнишь.

Я села на пол рядом с ней. Ноги не держали. Руки дрожа-

ли. Я посмотрела на рисунок. На мужчину. На его лицо. На его улыбку. И почувствовала, как что-то внутри меня сжимается. Знакомое. Тёплое. И пугающее.

— Алиса, — сказала я. — Как он выглядит? Дядя Алёша?

— Высокий, — сказала она. — Тёмные волосы. Глаза как у тебя. Он смеётся. Много. И он пахнет... — она задумалась. — Табаком. И чем-то сладким. Как корица.

Я замерла. Корица. Тот самый запах. Из машины. Из пальто. Из сна.

— Алиса, — сказала я. — Когда он приходит? Как часто?

— Каждую неделю, — сказала она. — Иногда чаще. Он говорит, что ты должна найти его. Пока не поздно.

— Что значит «поздно»?

Она пожала плечами. Дети не любят объяснять то, что им кажется очевидным.

— Он говорит, что кто-то хочет, чтобы ты забыла. И если ты забудешь, он исчезнет. Навсегда.

Я посмотрела на рисунок. На мужчину. На девочку. На бант. И поняла, что девочка — это я. В детстве. С бантом. И мужчина — это кто-то, кто был рядом. Всегда. Кого я забыла.

— Алиса, — сказала я. — Ты можешь спросить его? Дядю Алёшу? Кто он? Почему я его забыла?

Она кивнула. Закрыла глаза. Посидела так с минуту. Потом открыла.

— Он говорит, что не может сказать. Пока ты сама не вспомнишь. Но он говорит, что ты близко. Очень близко.

Я взяла рисунок. Посмотрела на него. Долго. Потом положила обратно.

— Спасибо, — сказала я. — Ты мне очень помогла.

Она улыбнулась. Тихо. Спросила:

— Ты найдёшь его? Дядю Алёшу?

— Найду, — сказала я. — Обещаю.

Сергей стоял в дверях. Смотрел на нас. Молча. Потом сказал:

— Алиса, иди на кухню. Помоги мне с чаем.

Она встала. Вышла. Сергей посмотрел на меня. Долго. Внимательно.

— Ты знаешь, кто это? — спросил он.

— Нет, — сказала я. — Но я узнаю.

Он помолчал. Потом сказал:

— Вера. Будь осторожна.

— Я знаю, — сказала я. — Но я не могу остановиться.

Глава 6. Бывший муж

«Он боялся не меня. Он боялся того, что я могу узнать».
— из дневника Веры Соколовой

Мы с Сергеем сидели на кухне ещё час. Говорили тихо, чтобы Алиса не слышала. Но я знала: она слышит. Дети всегда слышат. Даже когда мы думаем, что они не слышат.

— Ты помнишь что-нибудь странное? — спросила я. — За последние месяцы? Год?

Он пожал плечами. Отхлебнул чай. Поморщился — чай был слишком горячим.

— Ты имеешь в виду, кроме того, что моя дочь разговаривает с невидимым человеком?

— Да. Кроме этого.

Он помолчал. Поставил чашку. Посмотрел в окно. За окном — серое небо, мокрый снег, машина, припаркованная у подъезда. Серая «Лада». Я не обратила на неё внимания. Тогда.

— Я находил вещи, — сказал он. — В квартире. Не свои. Мужские. Перчатки. Книгу. Очки. Я думал, что это ты оставила. Или кто-то из гостей. Но потом...

— Что потом?

— Потом я понял, что у нас не было гостей. Года два. Никого. Ни друзей, ни родственников. Только мы. И Алиса.

Он встал. Подошёл к шкафу в прихожей. Открыл дверцу.

Достал коробку. Картонную, старую, с потёртыми углами.

— Здесь, — сказал он. — Я сложил всё туда. Не знаю, зачем. Просто не смог выбросить. Было чувство, что если выброшу — случится что-то плохое.

Я открыла коробку. Внутри были перчатки — кожаные, тёмные, с потёртыми пальцами. Книга — старая, потрёпанная, без обложки. Очки — в металлической оправе, с треснувшим стеклом. И ещё что-то. Маленькое. На дне. Я достала. Коробок спичек. С надписью «Ресторан "Прага"». И датой. Полугодовой давности.

— Это не моё, — сказала я.

— Я знаю, — сказал Сергей. — Я спрашивал у Алисы. Она сказала, что это «дяди Алёши».

Я взяла очки. Посмотрела на них. Потом на Сергея.

— Ты знаешь, чьи они?

Он покачал головой.

— Я не помню. Я смотрю на них и чувствую, что должен знать. Но не знаю. Как будто кто-то стёр часть меня. Часть памяти. Часть... — он запнулся. — Часть жизни.

Я взяла книгу. Открыла. На форзаце — надпись. Почерк. Не мой. Не Сергея. Мелкий, аккуратный, с завитками на «в» и «д».

«Вере. С любовью. А.»

Я посмотрела на букву. «А». Алексей. Дядя Алёша.

— Сергей, — сказала я. — Кто такой Алексей?

Он побледнел. Сильно. Так, что я испугалась. Он отставил

чашку. Руки у него дрожали.

— Я не знаю, — сказал он. Но голос у него дрожал тоже.

— Сергей.

— Я не знаю! — Он повысил голос. Потом посмотрел на дверь в комнату Алисы. Понизил. — Я не знаю. Но когда ты произносишь это имя... — он запнулся. — У меня внутри что-то сжимается. Как будто я должен помнить. Но не могу. Как будто я знал его. Когда-то. Давно.

Мы молчали. Долго. В комнате Алисы было тихо. Слишком тихо. Я слышала, как она ходит. Туда-сюда. Туда-сюда. Как будто ждёт.

— Сергей, — сказала я. — Я думаю, это не просто рисунки. Я думаю, это правда. Кто-то был. И кто-то стёр его. Из нашей памяти. Из документов. Из всего.

— Кто? — спросил он.

— Я не знаю. Но я найду.

Я собрала вещи. Перчатки, очки, книгу, спички. Положила в сумку.

— Это моё, — сказала я. — Я верну.

Он не стал спорить. Только сказал:

— Вера. Будь осторожна. Я не знаю, что это. Но я чувствую... — он помолчал. — Я чувствую, что это опасно. И что кто-то не хочет, чтобы ты копала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.